Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 139–154.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 139–154.

Научная статья
УДК 821.161.1.09"19/21"
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-11
https://elibrary.ru/mhddfw

Литературная дача в прозе Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой

Дарья Максимовна Борисова
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
borisovadarya2015@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-0454-5924

Аннотация. Статья посвящена рецепции литературной дачи в прозе советских писателей 1950–1980-х годов – Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой. Предметом исследования стал корпус произведений, посвященных поселку «Советский писатель» (Красная Пахра), где длительное время проживали прозаики. Сопоставление художественных образов дачи у обоих авторов позволило сделать вывод о том, что они видели в своем загородном жилье место вдохновения и творческого труда, «окно в природу», подлинный дом. При этом в произведениях Ю. М. Нагибина поселок часто представал местом столкновения творческой интеллигенции и простых людей, гармоничной природы и уродливой цивилизации; сатирические образы соседей по поселку в прозе Ю. М. Нагибина резко контрастируют с лирическими описаниями пейзажей. В свою очередь В. С. Токарева воссоздает уникальную творческую атмосферу дачного поселка, избегая идеализации его жителей; писательница видит в Красной Пахре прежде всего пространство культурной и исторической памяти.

Ключевые слова: литературная дача, Красная Пахра, Ю. М. Нагибин, «Лунный свет», «Морелон», «А льва жалко…» «Дневник», В. С. Токарева, «Дома стоят дольше, чем люди», «Дом за поселком»

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Для цитирования: Борисова Д. М. Литературная дача в прозе Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 139–154. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-11; EDN: MHDDFW

Literary dacha in the prose of Yu. M. Nagibin and V. S. Tokareva

Daria M. Borisova
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
borisovadarya2015@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-0454-5924

Abstract. This article focuses on the representation of the literary dacha in the prose of Soviet writers of 1950s and 1980s Y. M. Nagibin and V. S. Tokareva. The focus of the study is the writers'

© Борисова Д. М., 2026

works about life in the settlement named “Sovetsky Pisatel” (“Soviet writer”) / (Krasnaya Pakhra / Red Pakhra). The comparison of the artistic image of the dacha in these authors’ works results in the conclusion that prose writers supposed our country houses as a place of creative work and communion with nature. In Nagibin’s works, the settlement often appears as a site of confrontation between the intelligentsia and the common people, and between harmonious nature and disharmonious civilization. Satirical portrayals of the neighbours sharply contrast with the lyrical descriptions of the landscapes. On the other hand, Tokareva recreates the unique creative atmosphere of the settlement but avoids the idealization of its dwellers; the writer sees Krasnaya Pakhra primarily as a space of cultural and historical memory.
Keywords: literary dacha, “Krasnaya Pakhra”, Yu. M. Nagibin, “Moonlight”, “Morelon”, “And I feel sorry for the lion…”, “Diary”, V. S. Tokareva, “Houses last longer than people”, “A house outside the village”
Acknowledgments. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P “Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: The Fate of the National Ideal” (project manager O. A. Bogdanova), https://rscf.ru/project/22-18-00051/
For citation: Borisova D. M. Literary dacha in the prose of Y. M. Nagibin and V. S. Tokareva. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 139–154. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-11; EDN: MHDDFW

Введение

Дача как историко-культурное и литературное явление привлекла внимание исследователей в 2000-е гг. В это время увидели свет труды В. Г. Щукина[1], Ст. Ловелла[2], коллективная монография “The Dacha Kingdom”[3]. Системное изучение литературной дачи началось в рамках проектов ИМЛИ РАН «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд» (2018–2020, рук. О. А. Богданова) и «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (2022–2024, 2025–2026, рук. О. А. Богданова). За это время были опубликованы статьи о писательских дачах в Крыму[4], Тарусе[5], Комарове[6], дачном топосе в творчестве А. М. Горького[7], М. И. Цветаевой[1], В. В. Маяковского[2],

[1] Щукин В. Г. *Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей.* Москва: РОССПЭН, 2007. 608 с. EDN: QSTQYL

[2] Ловелл Ст. *Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000*, перевод с английского Л. Г. Семеновой. Санкт-Петербург: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.

[3] *The dacha kingdom: Summer dwellers and dwellings in the Baltic area*; edited by N. Baschmakoff and M. Ristolainen. Aleksanteri Series, 2009, vol. 3. 509 p. Available at: https://litusadba.imli.ru/sites/default/files/thedachakimgdom.pdf (accessed: 10.01.2026).

[4] Богданова О. А. К истории крымских «литературных гнезд» начала XX века: письма В. Л. Комаровича к М. А. Волошину. *Автобиография*, 2018, № 7, с. 63–71. EDN: YSAEAH

[5] Скороходов М. В. Тарусская жизнь Константина Паустовского: в поисках гармонии. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 172–176. https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-172-176; EDN: EQUPLO

[6] Михаленко Н. В. Станция «Ахматовка» – место творческого притяжения. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 177–180.

[7] Богданова О. А. Усадьба и дача в драматургии А. М. Горького 1900-х гг. («Дачники», «Дети солнца», «Враги»). *Русистика без граници (Болгария)*, 2020, т. IV, кн. 3, с. 59–66.

Ю. В. Трифонова[3], Ю. В. Мамлеева[4] и др. Теоретическим аспектам исследования посвящены работы О. А. Богдановой[5] и М. В. Скороходова[6]. В научной книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте» вышла монография О. А. Богдановой «Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.» (2019) и коллективная монография «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения» (2024). Изучение литературной дачи логически продолжило литературоведческое усадьбоведение: в советскую эпоху дача превратилась в субститут усадьбы, став местом вдохновения и творческого труда, «окном» в природу и народную жизнь, пространством культурной и исторической памяти, родовым гнездом.

Знаковым явлением советского времени стали писательские поселки, создававшиеся в целях поощрения литераторов и контроля за ними. В 1920-е гг. возникает дачный кооператив для работников Академии наук и искусства (РАНИС) (Николина Гора). В 1930-е гг. появляются «Городок писателей» в Переделкине[7] и «Московский писатель» во Внукове[8], в 1950-е строятся «Советский писатель» (Красная Пахра) и дачи деятелей науки и искусства в Комарове (бывших Келломяках). Элитарный статус места, особняки с большими, по меркам рядовых советских граждан, земельными участками, наличие «обслуги» в виде домработниц, шоферов, поселковых рабочих или «шабашников» из местных жителей – все это сближало писательские дачи с владельческими усадьбами дореволюционного прошлого.

---

[1] Акимова М. С. «Дачный топос» в творчестве Марины Цветаевой. *Вопросы культурологии*, 2018, № 12, с. 51–61.

[2] Михаленко Н. В. Поэтосфера дачи в творчестве В. В. Маяковского. *Литературный факт*, 2022, № 3 (25), с. 233–251. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251; EDN: DVWYWG

[3] Яцкив Е. О. Эволюция литературной дачи и творчество Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. *Вестник Костромского государственного университета*, 2025, т. 31, № 3, с. 47–51. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-47-51; EDN: WWWOMV

[4] Богданова О. А. «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX– XXI вв.: случай Юрия Мамлеева. *Studia Litterarum*, 2023, т. 8, № 2, с. 200–219. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219; EDN: EETZBN

[5] Богданова О. А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. *Studia Litterarum*, 2022, т. 7, № 3, с. 10–29. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29; EDN: IEZXEY; см. также: Богданова О. А. «Дачный топос» в русской литературе XIX–XXI вв.: генезис и эволюция. *Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения*: коллективная монография. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 474–489. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-474-489; EDN: HCSYSD

[6] Скороходов М. В. От литературной усадьбы к литературной даче (на материале русской литературы XX – начала XXI в.). *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 156.

[7] Основан постановлением Совнаркома «О строительстве “Городка писателей”» от 19 июля 1933 года.

[8] ДСК «Московский писатель» был образован в 1934 году Постановлением № 2408 президиума Московского областного исполнительного комитета советов РК и КД от 1 декабря 1934 года «Об отводе из квартала 114 Внуковского Леспромхоза при ст. Внуково, Западной железной дороги, Кунцевского района, участка площадью 50 га под дачное строительство РЖСКТ “Московский писатель”».

Одним из самых известных поселков творческой интеллигенции стал дачно-строительный кооператив «Советский писатель». В книге «Взлет и падение “Советского писателя”» (2013) А. А. Ганулич выделил в истории поселка несколько этапов.

1. «Рождение (1952–1961)». К концу периода «поселок сложился, обзавелся всей необходимой инфраструктурой»[1]. В число первых писателей-дачников вошли К. М. Симонов, В. С. Розов, П. Г. Антокольский, Ю. М. Нагибин.

2. «Расцвет (1961–1970)». В 1960-е гг. в Красной Пахре приобрели дачи Ю. В. Бондарев, В. Ф. Тендряков, А. Т. Твардовский, Ю. В. Трифонов. «Такой состав новых членов <…> не мог не отразиться на поселковой жизни. Она была, пожалуй, гораздо вольнолюбивей, чем жизнь в Москве или в стране в целом»[2]. В поселок часто приезжали поэты-шестидесятники А. А. Вознесенский и Е. А. Евтушенко, барды Б. Ш. Окуджава, М. Л. Анчаров, Е. И. Клячкин; Б. А. Ахмадулина 8 лет прожила на даче своего супруга Ю. М. Нагибина (1961–1969), а после развода с ним приезжала в гости к переводчику В. М. Россельсу.

3. «Застой (1972–1985)». В этот период уходит из жизни ряд крупных деятелей науки и искусства: Р. Л. Кармен, П. Г. Антокольский, К. М. Симонов, Ю. В. Трифонов, В. С. Высоцкий, А. Я. Каплер, В. З. Масс. «Их уход не просто обеднил прозу, поэзию, кинематографию, он послужил толчком к изменению атмосферы поселка, стал началом наследственных споров, разделения паев и участков между наследниками, массовой продажи дач»[3].

4. «Агония (1985–2011)»[4]. В 1990-е гг. приватизация, потеря писателями привилегий и их обнищание привели к тому, что из писательского поселок превратился в «просто» элитный; многие дома были проданы и снесены, новая застройка значительно изменила вид поселка и окружающего ландшафта.

Прежний облик «Советского писателя» сохранился только на старых фотографиях и на страницах книг. В Красной Пахре, в отличие от Переделкина, не было создано мемориальных музеев, позволивших сохранить писательские дачи вместе с обстановкой. Разной оказалась и судьба архивов: часть перешла в фонды Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), часть – продолжает храниться у родственников.

Основная часть

За время существования поселка сложился корпус документальных, художественных и публицистических текстов о Красной Пахре, конечно, несколько уступающий переделкинскому по объему и степени изученности. Перечислим лишь наиболее известные из них. Жизнь в «Советском писателе» отражена в дневниках А. Т. Твардовского и Ю. М. Нагибина, «Записках соседа» (1972) Ю. В. Трифонова, воспоминаниях В. С. Розова («Удивление перед жизнью», 2000), В. С. Токаревой («Между прочим…», 2023), современных писателей, выросших в поселке –

[1] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 24.
[2] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 156.
[3] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 262–263.
[4] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 362.

А. В. Масс («Вахтанговские дети», 2005; «Писательские дачи. Рисунки по памяти», 2012), Д. А. Симукова («Обратный отсчет. Записки ин'язовца», 2010), Д. В. Драгунского («Подлинная жизнь Дениса Кораблёва», 2023). Большой интерес представляет вышеупомянутая книга А. А. Ганулича «Взлет и падение "Советского писателя"» (2013), написанная на стыке мемуаристики и краеведения. Из художественной литературы стоит выделить произведения Ю. М. Нагибина («Лунный свет», 1979; «Морелон», 1980; «А льва жалко…», «Рассказ синего лягушонка», 1991), Д. В. Драгунского («Нет такого слова», 2009), К. В. Драгунской («Заблуждение велосипеда», 2010), В. С. Токаревой («Дома стоят дольше, чем люди», 2017; «Дом за поселком», 2018).

Настоящее исследование посвящено литературному наследию Ю. М. Нагибина (1920–1994) и В. С. Токаревой (р. 1937). Ю. М. Нагибин был старожилом поселка, лично знал многих советских классиков, стал свидетелем всех эпох Красной Пахры; В. С. Токарева успела застать «расцвет» «Советского писателя», но собственную дачу смогла приобрести уже в период его «агонии». В наши дни Виктория Токарева остается одним из последних хранителей памяти и традиций знаменитого писательского поселка.

Юрий Маркович Нагибин узнал и полюбил загородную жизнь еще в детские годы. Памятная писателю дача около подмосковной деревни Акулово отразилась в документальных «Воспоминаниях» (1969), цикле рассказов «Лето моего детства» (1969, второе название – «Лето»), предисловии к «Московской книге» (1985), повести «Встань и иди» (1987). По собственному признанию, именно там он проникся красотой и таинственностью природы; затопленная при строительстве водохранилища дача представляется рассказчику затонувшей Атлантидой, символом незабываемого и невозвратимого детства.

В 1950-е гг. к писателю пришла литературная известность, а после и сценаристская – эта деятельность приносила значительные гонорары. Ю. М. Нагибин приобрел пай в дачно-строительном кооперативе и построил дом на Южной аллее Красной Пахры. В 1956 г. он записывает в дневнике: «Живу на даче, гляжу на сосны, наверное, это и есть счастье, но я так не привык к счастью, что чувствую себя здесь словно на чемоданах»[1]. Вскоре дача становится для писателя вторым домом – с годами он проводит все больше времени в подмосковном поселке, живя там практически круглогодично. В 1960-е гг. для своей жены Беллы Ахмадулиной писатель возводит второй этаж: «чтобы ей было уютнее писать стихи, сидя в "скворечнике", созерцая мир сверху»[2]. Последняя его супруга, Алла Григорьевна Нагибина, с которой писатель прожил четверть века (1969–1994), «превратила дачу <…> в самый стильный дом поселка»[3]. Активное участие в преображении интерьера принимал и сам писатель: «дом был полон антиквариата, ценных картин, миниатюр, но при этом нисколько не напоминал музей, а создавал ощущение уюта»[4].

[1] Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996, с. 122.
[2] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 115.
[3] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 122–123.
[4] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 123.

Удобство и комфорт загородного дома были для писателя принципиальными, хотя в путешествиях и на охоте он спокойно мирился с бытовыми неудобствами. У «барина», как часто называли Ю. М. Нагибина, служили домработница и даже личные шоферы. На участке рос сад, за которым ухаживала мать писателя – Ксения Алексеевна. У Нагибиных постоянно жили питомцы – кошки и собаки. Последние пользовались особой любовью писателя, сопровождали его на охоте и прогулках, становились героями его произведений. Из соседей писатель общался с П. Г. Антокольским, Ю. В. Трифоновым, В. Ф. Тендряковым, Э. Я. Володарским, М. А. Светловым; принимал на даче гостей, любил широкие и шумные застолья. Однако «содружество муз» в «Советском писателе» вызывало у Ю. М. Нагибина двойственные чувства. В дневниках писателя периодически встречаются резкие характеристики соседей; нередки признания, что дачное общество вызывает раздражение и усталость, а «персонал» поселка возмущает «плебейским» поведением. А. А. Ганулич объясняет это тем, что по характеру Ю. М. Нагибин «был выраженным индивидуалистом <…>. Людей, в отличие от животных, Юрий Маркович, нужно признать, не жаловал. Это касалось и коллег по писательскому цеху, и простого люда»[1]. Отметим, что двойственное отношение к писательскому поселку объяснялось не только характером писателя, но и его внутренним неприятием пороков советской литературной жизни (конъюнктуры; «лакировки» действительности; выдвижения малоталантливых, но партийных и тенденциозных авторов). После кончины Юрия Нагибина вдова продала большую часть участка с домом; новые хозяева снесли дачу, и теперь о писателе в поселке напоминает только улица, носящая его имя.

Образ «Советского писателя» в творчестве Ю. М. Нагибина сложен и амбивалентен. В рассказе «Морелон» (1980) дачный поселок показан как место соприкосновения города и деревни, интеллигенции и простого народа. И те, и другие описаны Ю. М. Нагибиным с нескрываемой иронией: с одной стороны – беспомощность в быту, отсутствие привычки к физическому труду и легковерность, с другой – лень, пьянство, привычка полагаться на «авось», вечное стремление хоть в чем-то да обмануть городских «простаков». «Поселок оброс, как пень грибами, разными умелыми людьми, которые могли “выручить”. <…> По правде, эти люди мало что умели, но брались решительно за все»[2]. Воплощением всех пороков таких «умельцев» становится жалкий и смешной «никчемный человек»[3] по прозвищу Морелон. Все его «мастерство» состоит в умении выпрашивать деньги и сбывать дачникам не нужные им вещи. В поселке этого нахлебника почему-то терпят, а знаменитый Писатель даже делает своим собутыльником. Размышляя над этим феноменом, рассказчик задумывается: «А ведь недаром провел он столько часов с покойным Писателем. <…> Морелон умел слушать молчание Писателя. <…> Он научился чему-то более важ-

[1] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 116–120.

[2] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 2. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 395.

[3] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 2. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 396.

ному, чем всякая ручная работа»[1]. Герой начинает чувствовать к «никчемному человеку» интерес и уважение, впервые называет его не по прозвищу, а по имени-отчеству. Но братского единения интеллигенции и народа не происходит: «Тишина. Затем тихо и сумрачно донеслось: – Ну, чего тебе еще?..»[2].

В рассказе «А льва жалко…» (1991) «Советский писатель» – место столкновения природы и мира людей. Дачное общество, представляющее цивилизацию в миниатюре, становится объектом едкой сатиры. Приезд в поселок знаменитого ручного льва Чанга[3] задуман как торжество гуманизма, праздник дружбы людей и животных, но встреча с четвероногой «кинозвездой» только показывает, как «жалки и бессильны <…> дети человеческие»[4] перед царственным зверем. Праздник выявляет худшие стороны творческой интеллигенции: эгоизм, тщеславие, позерство, лицемерие и корыстолюбие. Перед читателем проходит ряд злых и пристрастных карикатур на жителей поселка: «витии» Антокольский и Кирсанов, «умеющие слушать лишь себя», самовлюбленные «прозаические первачи», «близкий и желанный любому начальству» «перестраховщик»[5] Симонов. Сочувствие рассказчика вызывает только лев, утомленный бесконечными киносъемками и вниманием людей: «он лежал посреди сада, свободный, никем не охраняемый, грозный царь пустыни, символ той могучей силы, имя которой природа, чьи последние бастионы разрушает человек, дабы прекратить жизнь во Вселенной»[6]. Повествователь предчувствует неминуемую трагическую развязку: люди, поверившие в свое всемогущество, забывают о древней мощи природы и расплачиваются за свою самонадеянность.

Собственная дача и окрестные леса – место обретения вдохновения, напряженного, но радостного творческого труда. В рассказе «Река Гераклита» (1984) автобиографический герой отмечает, что «два-три часа <…> в лесу» играли ключевую роль в творчестве: «Здесь, а не за письменным столом, происходила главная работа сочинительства. И вовсе не потому, что исхоженный вдоль и поперек лес помогал внутренней сосредоточенности, а потому что он меня все время будоражил, загадывал разные загадки и тем поощрял душевную работу <…>»[7]. Ежедневное «погружение в неведомое»[8] так захватывало рассказчика, что летом он нередко отказывался от путешествий – «слишком жадно работается и хорошо думается»[9]. В «Лунном свете» (1979) зимняя дача дает герою уединение и покой, необходимые для упорной

[1] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 2. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 404.
[2] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 2. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 404.
[3] Прототипом стал знаменитый лев Кинг I, живший в семье Берберовых (в рассказе – Бедуинских).
[4] Нагибин Ю. М. *Над пропастью во лжи.* Москва: Подкова, 1998, с. 422.
[5] Нагибин Ю. М. *Над пропастью во лжи.* Москва: Подкова, 1998, с. 433–434.
[6] Нагибин Ю. М. *Над пропастью во лжи.* Москва: Подкова, 1998, с. 431.
[7] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 3. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 529.
[8] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 3. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 529.
[9] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 3. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 529.

работы над словом, не знающей выходных и отпуска. Красота и тишина зимнего дня противопоставлена равнодушной к этой «нежной дремлющей благодати» «мировой суете», «неумолимым посланцем»[1] которой оказывается приезжий журналист. Отметим, однако, что дачный пейзаж меняется по мере развития сюжета: после «страшного» рассказа гостя и наступления лунной ночи знакомые места кажутся пугающими и мистическими.

В фантастическом «Рассказе синего лягушонка» (1991), посвященном Алле Нагибиной, дача – идиллический топос, место, где царствуют любовь и гармония. Главный герой после смерти утратил человеческий облик, но не смог полностью забыть о прежней жизни. Из самого светлого ее периода – времени позднего супружеского счастья – рассказчику вспоминаются именно дачные картины: «Я видел <…> террасу в дождливый день исхода августа. <…> Заросший, в туманной влаге сад походил на морское дно. <…> Казалось, вот-вот сквозь боярышник, рябину и яблони поплывут большие рыбы с жалобными ртами <…>. Алиса лежала на тахте, к ней приставал щенок эрдель, требуя, чтобы его почесали»[2]. Образ дачи, погрузившейся на морское дно, как бы продолжает изображение затопленного акуловского дома – прежнее счастье для героя недостижимо.

Превращение, лишившее героя привычного облика и «нормального» человеческого существования, дало ему возможность посмотреть на прошлое со стороны. Когда-то рассказчик и его жена любили путешествовать и жадно искали новых впечатлений. Лишь под конец жизни супруги перестали «слоняться по миру»: «куда увлекательнее оказалось непрекращающееся путешествие друг к другу»[3]. После перевоплощения герой с удивлением осознает, что прежние яркие впечатления поблекли, а привычная загородная жизнь предстала в ином свете: «в нашей долгой жизни с Алисой – мы и серебряную справили – было столько Берендеевых лесов, столько Средиземноморья, островов, лагун, столько храмов и старинных городов, дивной музыки и нетленной живописи, а образом счастья оказался мокрый сад, терраса и длинные пальцы, погруженные в жесткие завитки эрдельей шерсти»[4]. Дачная повседневность и связанные с ней традиции и ритуалы – игры с собакой, прятки в доме – становятся символом гармоничной, основанной на подлинной любви жизни. Не случайно рассказчик-фантаст, узнав любимую в образе косули, играет с ней в прятки в лесу – для героя это не пустая забава, а связь с прошлым.

Сложное, амбивалентное отношение Ю. М. Нагибина к дачному топосу нашло отражение в его последней книге – «Дневнике» (1994). Записи 1942–1986 гг., собранные в единую книгу незадолго до смерти автора, охватывают практически весь период его жизни в «Советском писателе». Лейтмотивом «Дневника» становится противопоставление природы и общества. Дача предстает местом, где на фоне есте-

[1] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 318.
[2] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 291.
[3] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 283.
[4] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 291–292.

ственной красоты и гармонии бушуют человеческие страсти, присущие и самому повествователю: «Как все прекрасно и трогательно в мире природы, как все грязно и мерзко в мире людей!»[1]. В то же время именно загородная жизнь дает выход из плена этих страстей. Саркастический тон рассказчика, резко критикующего соседей по поселку и себя самого, в описании картин природы сменяется лирическим и восторженным: «Сколько раз хожу на это место, и всякий раз по-новому ему радуюсь. Какая неисчерпаемость в этом скудном пейзаже!»[2]; «Начало июня. Каждый день совершаю изумительные прогулки в лес. Места, открытые зимой, предстали в своем летнем, еще более прекрасном обличье. Боже, до чего же там хорошо! <…> И все, что ни видишь, поражает до слез, до спазма»[3]. Даже в собственном саду может явиться подлинное чудо: солнце, «сказочно» осветившее стайку воробьев, превращает их в загадочных райских птиц[4]. Соприкосновение с природой, окружающей дачу, исцеляет и облагораживает душу. Прогулки по окрестностям способны примирить рассказчика с жизненными трудностями и с самим собой: «Да, необыкновенно хорошо было в лесу. Я шел и подводил итоги своей жизни и неожиданно остался доволен ею. В наше чудовищное время я жил почти как хотел, это, конечно, чудо. И грех мне сетовать на малые неудачи»[5].

Виктория Самуиловна Токарева (р. 1937) впервые побывала в Красной Пахре в 1963 г. Начинающая писательница приехала на слет молодых талантов, проходивший в соседнем Доме отдыха Минспецмонтажстроя. Руководитель семинара – Георгий Семенов – познакомил ее с Юрием Нагибиным. Эта встреча запомнилась В. С. Токаревой на всю жизнь: «Нагибин уже читал мой первый рассказ “День без вранья”. Он сказал: “Пишут все, а она – писатель”. <…> Душа моя была полна счастьем. Представляете, такое о себе услышать?»[6]. Впоследствии Ю. М. Нагибин напишет предисловие к дебютному сборнику рассказов В. С. Токаревой «О том, чего не было» (1969), высоко оценив талант молодого прозаика. Первое впечатление от посещения поселка, несомненно, повлияло на ее отношение к «Советскому писателю». С 1977 г. В. С. Токарева около 10 лет снимала там комнату у вдовы Виктора Драгунского. В 1990 г. писательница приобрела участок у наследников Павла Антокольского и построила двухэтажный кирпичный дом, исполнив давнюю мечту – поселиться в полюбившемся месте.

Долгое время В. С. Токарева не планировала делать поселок «героем» своих произведений: «Боже упаси. Писать о соседях – значит наживать себе врагов»[7]. Только со второй половины 2010-х гг. стали выходить книги, включающие рассказы и очерки о жизни в «Советском писателе» – «Дома стоят дольше, чем люди» (2017),

[1] Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996, с. 161.
[2] Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996, с. 169.
[3] Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996, с. 170.
[4] Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996, с. 126.
[5] Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996, с. 222.
[6] Токарева В. С., Раевская М. У меня настоящий домик Наф-Нафа. *Новые округа*, 2015, № 42 (162), с. 14.
[7] Токарева В. С., Раевская М. У меня настоящий домик Наф-Нафа. *Новые округа*, 2015, № 42 (162), с. 14.

«Дом за поселком» (2018), «Ничем не интересуюсь, но все знаю», «Между прочим…» (2023).

Загородная жизнь в собственном доме представляется писательнице идеалом гармоничного, спокойного и независимого существования, необходимым условием полноценного творчества. «Я очень люблю свой дом. И куда бы я ни приходила, мне везде кажется неуютно. <…> Меня мой дом обнимает, как любимый человек. Хочется оставаться в его объятьях и не двигаться»[1], – признается рассказчица («Эльдар Рязанов»). В книгах В. С. Токаревой дача неоднократно сравнивается с райским садом. Например, в рассказе «Карантин» (2021) уютный дом с большим участком кажется раем по сравнению с «адом» тесной и шумной городской квартиры. Испытания нового времени только подтверждают жизнестойкость дачной модели существования: во время пандемии дача дает рассказчице чувство защищенности от пугающего и непонятного окружающего мира.

Рассказывая о знаменитых соседях, В. С. Токарева не идеализирует ни советское прошлое поселка, ни его обитателей – даже тех, кто восхищает своим талантом и по-человечески симпатичен автору. Поглощенность поэтическими и любовными переживаниями делает Антокольского по-детски эгоистичным («Дом Павла Антокольского»), богемная жизнь Ю. М. Нагибина и Б. А. Ахмадулиной становится саморазрушением («Юрий Нагибин»); бурные романы, семейные конфликты, алкогольная зависимость сопровождают многих писателей и артистов. Соседство творческих людей с непростыми характерами неизбежно порождает ревность, ссоры и сплетни («Эльдар Рязанов»). При этом в книгах писательницы нет столь резкой, уничтожающей критики, как у Ю. М. Нагибина. Рассказчица стремится к пониманию и приятию талантливых соседей со всеми их слабостями и недостатками, тем более, что многие из них были для писателей ее поколения уже классиками. Писательница любовно воссоздает уникальную творческую атмосферу поселка, в котором «проживал цвет советской литературы. <…> Каждое имя – бриллиант»[2]. Она видит в Красной Пахре прежде всего пространство культурной и исторической памяти.

Присутствие одухотворенных творческих личностей, любовь и забота их жен преображают дома: писательские дачи сами «одухотворяются» и персонализируются, изменяются вместе с хозяевами. Великолепный дом Ю. М. Нагибина не только гармонировал с обликом своего хозяина – дворянина по происхождению, красавца и щеголя, – но и нес на себе отражение обретенного семейного счастья писателя. Алла Нагибина не только «перестроила», но и «как бы зачеркнула прежний дом»[3], в котором когда-то шла беспорядочная богемная жизнь («Юрий Нагибин»). Дача Э. Я. Володарского со стеклянными дверьми похожа на «театральную декорацию к сказке»; рассказчице кажется, что «воры просто не смели вторгаться в это доверие и

[1] Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки.* Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 106.
[2] Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки.* Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 83.
[3] Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки.* Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 144.

красоту»[1] («Эдуард Володарский»). Дом М. В. Мироновой и А. С. Менакера напоминает размерами то ларек, то будку – но его простота и изысканность отвечают артистизму и прекрасному вкусу владельцев: «известно, все талантливое просто». В. С. Токарева особо отмечает, что при строительстве старались сохранить великолепные сосны («Дом за поселком»)[2].

После смерти писателей и артистов их дачи нередко становились не только памятными, но и мистическими, сакральными местами. Великолепный кабинет в доме Нагибиных бесценен не только из-за красоты обстановки, обилия бронзы и ценного дерева – важнее всего то, что «в этих креслах сидел Юрий Маркович Нагибин – великий, как Вольтер, и жонглировал словами, как золотыми шарами. И они до сих пор летают в пространстве»[3] («Юрий Нагибин»). Небольшой домик, принадлежавший Марии Мироновой и Александру Менакеру, кажется «намоленным, как маленькая церковь», в нем словно навсегда «застряли» «время, мысль и молодость талантливых людей»[4]. У рассказчицы неоднократно возникало впечатление, что покойная хозяйка строго следит за судьбой своей дачи и может наказать тех, кто покушается на фамильное добро («Дом за поселком»). Рано умерший Владимир Высоцкий, напротив, не успел обжить свою дачу – и «новый дом, выстроенный для счастья, превратился в дом скорби»[5].

Подлинной трагедией для поселка становится скупка земли и снос писательских дач богатыми людьми, поднявшимися в 1990-е гг. Старая интеллектуальная элита сменяется новой буржуазной – малокультурными, но практичными «нуворишами», превыше всего ценящими материальные блага и престиж. Дорогим домам новых богачей не суждено стать подлинными семейными и культурными гнездами, поскольку в их созидание не вложены вдохновение и любовь. Отстроив и продав дачу, надменная и расчетливая бизнес-леди Фрида вскоре умирает («Дома стоят дольше, чем люди»). Финский дом, выстроенный на месте «артистической» дачи Мироновых, пустует: семья, для которой предназначался коттедж, распалась. Покупателей на дорогой дом не находится, и он превращается в обузу для владельцев («Дом за поселком»). Дачи «нуворишей», благополучно устроившихся в поселке, остаются лишь сомнительным памятником «лихим девяностым» и непомерным амбициям хозяев, выбившихся «из грязи в князи».

Прежний писательский поселок уходит в прошлое вместе с ветшающими дачами и последними старожилами. «Советские писатели вымерли, как мамонты», – с грустной иронией замечает рассказчица, вспоминая, как некий турист разыскивал «дом потомков Токаревой», – «видимо, <…> думал, что Токарева жила во времена

[1] Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки.* Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 180–181.

[2] Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк.* Санкт-Петербург: Азбука, 2018, с. 111.

[3] Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки.* Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 149.

[4] Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк.* Санкт-Петербург: Азбука, 2018, с. 136.

[5] Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк.* Санкт-Петербург: Азбука, 2018, с. 191.

Жорж Санд»[1]. Но и в изменившемся до неузнаваемости поселке ощущается незримое присутствие его жителей: «Земля под ногами до сих пор слышит их шаги. Их мысли до сих пор витают в атмосфере»[2]. Писатели и артисты становятся добрыми гениями, хранящими поселок.

Выводы

Сопоставив образ литературной дачи в произведениях Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой, мы выяснили следующее.

1. Писатели совпадали в оценке дачи как места творческого труда и подлинного – в отличие от городской квартиры – дома; видели в наличии собственного загородного жилья источник свободы, вдохновения, гармонии с миром и самим собой. При этом отношение прозаиков к другим дачникам и общей атмосфере Красной Пахры оказывается диаметрально противоположным.

2. В произведениях Ю. М. Нагибина местное общество предстает дисгармоничным и нездоровым; на фоне прекрасной природы резче выступают как общечеловеческие пороки (эгоизм, лицемерие, пьянство), так и проявления худших сторон советской литературной жизни (конъюнктурность, отсутствие гражданского мужества).

3. В. С. Токарева, не идеализируя своих героев, стремится к объективности, к пониманию и принятию сложности талантливых людей; соседство незаурядных личностей и творческая атмосфера «Советского писателя» выписаны в книгах автора любовно и подробно. Дисгармонию и разрушение приносят в поселок новые дачники – малокультурная и бездуховная буржуазная элита 90-х.

4. Различия в изображении местного общества объясняются не только разницей авторского миропонимания и идиостиля, но и временной дистанцией. Многие соседи по поселку для поколения В. С. Токаревой были классиками; драматические перемены рубежа веков также способствовали оценке «Советского писателя» как уникального пространства культурной и исторической памяти

Список литературы / References

Акимова М. С. «Дачный топос» в творчестве Марины Цветаевой. *Вопросы культурологии*, 2018, № 12, с. 51–61.

Akimova M. S. “Suburban topos” in the works of Marina Tsvetaeva. *Issues of Cultural Studies*, 2018, no. 12, pp. 51–61. (In Russ.)

Богданова О. А. «Дачный топос» в русской литературе XIX–XXI вв.: генезис и эволюция. *Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения*: коллективная монография. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 474–489. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-474-489; EDN: HCSYSD

[1] Токарева В. С. *Ничем не интересуюсь, но все знаю: рассказы.* Санкт-Петербург: Азбука, 2023, с. 50.

[2] Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк.* Санкт-Петербург: Азбука, 2018, с. 198.

Bogdanova O. A. “Country topos” in Russian literature of the XIX–XXI centuries: Genesis and evolution. *Estate and dacha in the literature of the Soviet era: Losses and gains*: Collective monograph. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor’kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024, pp. 474–489. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-474-489; EDN: HCSYSD

Богданова О. А. «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX–XXI вв.: случай Юрия Мамлеева. *Studia Litterarum*, 2023, т. 8, № 2, с. 200–219. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219; EDN: EETZBN

Bogdanova O. A. The “dacha myth” in Russian literature of the turn of the 20th–21st centuries: The case of Yuri Mamleev. *Studia Litterarum*, 2023, iss. 8, no. 2, pp. 200–219. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219; EDN: EETZBN

Богданова О. А. К истории крымских «литературных гнезд» начала XX века: письма В. Л. Комаровича к М. А. Волошину. *Автобиография*, 2018, № 7, с. 63–71. EDN: YSAEAH

Bogdanova O. A. On the history of the Crimean “literary nests” at the beginning of the 20 century: Letters from Vasilii Komarovich to Maksimilian Voloshin. *Autobiography*, 2018, no. 7, pp. 63–71. (In Russ.) EDN: YSAEAH

Богданова О. А. Усадьба и дача в драматургии А. М. Горького 1900-х гг. («Дачники», «Дети солнца», «Враги»). *Русистика без граници (Болгария)*, 2020, т. IV, кн. 3, с. 59–66.

Bogdanova O. A. Estate and dacha in the dramaturgy of A. M. Gorky in 1900s (“Dacha dwellers”, “Children of the sun”, “Enemies”). *Russian studies without borders (Bulgaria)*, 2020, vol. IV, book 3, pp. 59–66. (In Russ.)

Богданова О. А. *Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография,* ответственный редактор – Е. Е. Дмитриева. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 1. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2019. 288 с. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8; EDN: KBOVXR

Bogdanova O. A. *Estate and dacha in Russian literature of the 19th–21st centuries: Topics, dynamics, mythology.* Series: Russian estate in a world context, iss. 1. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor’kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2019. 288 p. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8; EDN: KBOVXR

Богданова О. А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. *Studia Litterarum*, 2022, т. 7, № 3, с. 10–29. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29; EDN: IEZXEY

Bogdanova O. A. Formation of the research thesaurus in study of the phenomenon of dacha in Russian literature of the 19th–21st centuries. *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, no. 3, pp. 10–29. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29; EDN: IEZXEY

Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя».* Москва: Аграф, 2013. 384 с.

Ganulich A. A. *The rise and fall of the “Soviet writer”.* Moscow: Agraf, 2013. 384 p. (In Russ.)

Ловелл Ст. *Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000*, перевод с английского Л. Г. Семеновой. Санкт-Петербург: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.

Lovell St. *Summerfolk: A history of the dacha, 1710–2000*, translated from English by L. G. Semyonova. St Petersburg: Akademicheskii proekt: DNK, 2008. 347 p. (In Russ.)

Масс А. В. *Писательские дачи. Рисунки по памяти*. Москва: Аграф, 2012. 448 с.
Mass A. V. *Writer's dachas. Drawings from memory.* Moscow: Agraf, 2012. 448 p. (In Russ.)

Михаленко Н. В. Поэтосфера дачи в творчестве В. В. Маяковского. *Литературный факт*, 2022, № 3 (25), с. 233–251. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251; EDN: DVWYWG
Mikhalenko N. V. The poetosphere of the dacha in V. V. Mayakovsky's works. *Literary Fact*, 2022, no. 3 (25), pp. 233–251. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251; EDN: DVWYWG

Михаленко Н. В. Станция «Ахматовка» – место творческого притяжения. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 177–180.
Mikhalenko N. V. "Akhmatovka station" is a place of creative attraction. *Scientific notes of Orel State University*, 2024, no. 2 (103), pp. 177–180. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996. 704 с.
Nagibin Iu. M. *Diary.* Moscow: Knizhny sad, 1996. 704 p. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *Лунный свет: повести и рассказы*. Минск: Вышэйшая школа, 1986. 448 с.
Nagibin Iu. M. *Moonlight: Novellas and stories.* Minsk: Vysheyshaia Shkola, 1986. 448 p. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *Над пропастью во лжи.* Москва: Подкова, 1998. 520 с.
Nagibin Iu. M. *Over the abyss in lies.* Moscow: Podkova, 1998. 520 p. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *О любви. Слезы и жизнь…* Москва: Подкова, 1997. 528 с.
Nagibin Iu. M. *About love. Tears and life…* Moscow: Podkova, 1997. 528 p. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020.
Nagibin Iu. M. *Collected works*: In 7 vol. Moscow: Terra, Knizhnyi klub Knigovek, 2020. (In Russ.)

Скороходов М. В. От литературной усадьбы к литературной даче (на материале русской литературы XX – начала XXI в.). *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 156.
Skorokhodov M. V. From literary estate to literary dacha (on the material of Russian literature of the XX – early XXI centuries). *Scientific notes of Orel State University*, 2024, no. 2 (103), p. 156. (In Russ.)

Скороходов М. В. Тарусская жизнь Константина Паустовского: в поисках гармонии. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 172–176. https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-172-176; EDN: EQUPLO
Skorokhodov M. V. Konstantin Paustovsky's life in Tarus: In search of harmony. *Scientific notes of Orel State University*, 2024, no. 2 (103), pp. 172–176. (In Russ.) https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-172-176; EDN: EQUPLO

Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк.* Санкт-Петербург: Азбука, 2018. 253 с.
Tokareva V. S. *A house beyond the village: Stories and an essay.* St Petersburg: Azbuka, 2018. 253 p. (In Russ.)

Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки.* Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017. 252 с.

Tokareva V. S. *Houses last longer than people: Novellas, stories, and essays.* St Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2017. 252 p. (In Russ.)

Токарева В. С. *Между прочим…* Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2023. 448 с.

Tokareva V. S. *By the way…* St Petersburg: Azbuka-Attikus, 2023. 448 p. (In Russ.)

Токарева В. С. *Ничем не интересуюсь, но все знаю: рассказы.* Санкт-Петербург: Азбука, 2023. 252 с.

Tokareva V. S. *I'm not interested in anything, but I know everything: Stories.* St Petersburg: Azbuka, 2023. 252 p. (In Russ.)

Токарева В. С., Раевская М. У меня настоящий домик Наф-Нафа. *Новые округа*, 2015, № 42 (162), с. 14–15.

Tokareva V. S., Raevskaia M. I have a real house of Naf-Naf. *New districts*, 2015, no. 42 (162), pp. 14–15. (In Russ.)

Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография, составление О. А. Богданова; ответственный редактор – В. Г. Андреева, О. А. Богданова. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 8. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024. 672 с.

The estate and the country house in Soviet-era literature: Losses and gains: A collective monograph, compiled by O. A. Bogdanova; edited by V. G. Andreeva and O. A. Bogdanova. Series: Russian Estate in a Global Context, iss. 8. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024. 672 p.

Щукин В. Г. *Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей.* Москва: РОССПЭН, 2007. 608 с. EDN: QSTQYL

Shchukin V. G. *The Russian genius of enlightenment. Studies in mythopoetics and the history of ideas*. Moscow: ROSSPEN, 2007. 608 p. (In Russ.) EDN: QSTQYL

Яцкив Е. О. Эволюция литературной дачи и творчество Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. *Вестник Костромского государственного университета*, 2025, т. 31, № 3, с. 47–51. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-47-51; EDN: WWWOMV

Yatskiv E. O. The evolution of the literary dacha and the work of Yu. V. Trifonov 1960–1970s. *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 47–51. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-47-51; EDN: WWWOMV

The dacha kingdom: Summer dwellers and dwellings in the Baltic area; edited by N. Baschmakoff and M. Ristolainen. Aleksanteri Series, 2009, vol. 3. 509 p. Available at: https://litusadba.imli.ru/sites/default/files/thedachakimgdom.pdf (accessed: 10.01.2026).

Сведения об авторе

Дарья Максимовна Борисова – младший научный сотрудник, https://orcid.org/0009-0002-0454-5924, borisovadarya2015@yandex.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия);

Daria M. Borisova – Junior Research Fellow, https://orcid.org/0009-0002-0454-5924, borisova-darya2015@yandex.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.